Глава 6. Часть 3. В тени трона

III

Шохи не смог бы оценить вкус вакокуанского бульона в одиночку.

А если я приготовлю ему вакокуанское блюдо, вряд ли его удовлетворит вкус, к которому он не привык. Тем не менее, если я использую бульон с едой Конкокуан, он пересилит бульон и сделает его невозможным на вкус.

Перед Рими стоял кипящий котел с густой мутной жидкостью. В нем была курица, а также зеленый лук и имбирь, которые уже несколько часов кипятились в кастрюле и готовились к великолепному привкусу. Прошел целый день с тех пор, как Шусей принес ингредиенты и они начали их варить. Это было через два дня после неожиданного визита Шохи.

«Мне просто нужно что-то придумать».

Она налила немного кипящего джитана в маленькую тарелку и попробовала его, проглотив залпом. Джитан имел богатый, мягкий вкус. Вкус остался у нее во рту после того, как она проглотила его, и она почувствовала, как джитан тяжело приземлился в ее желудке. Это был вкус, подходящий для континента, который давал вам силы, необходимые для путешествия по этим обширным землям. Рими нашла его довольно вкусным. Люди, которые занимались физическим трудом, нашли бы этот вкус особенно превосходным.

Тем временем на прилавке за ее спиной стояли два горшка с двумя видами прозрачного золотого ложа — умифу и кэнгёкен. Они оба были сделаны одинаково путем извлечения эссенции ингредиентов, но на вкус они были совершенно разными.

«Как дела?» спросил Шусей, стоявший рядом с ней. Рими тепло улыбнулась ему и протянула маленькую тарелку, которую держала в руках. Шусей поднес её ко рту.

"Как оно?" — спросила Рими, наблюдая за ртом Шусея.

«Прекрасный вкус. Это тот самый джитан, который я знаю и люблю».

«Вы также сказали, что вам нравятся вакокуанский бульон, не так ли? Вы чувствительны к вкусам, поэтому можете наслаждаться вакокуанскими блюдами. Но Его Величество сказал, что этот вкус ни на что не похож. Что он не мог сказать, каково это на вкус».

Лучший способ показать, что что-то имеет особый вкус и что оно приятно на вкус, — это просто попросить кого-нибудь попробовать вот так. Однако Шохи с самого начала не мог сказать, что у блюда есть вкус. Вкус вакокуанцев был слишком нежным для того, кто привык к конкокуанской еде, чтобы даже почувствовать его.

«То, что вкус настолько тонкий, что его невозможно воспринять, не означает, что его может и не быть, верно?» заговорила Рими, чтобы подтвердить правильность ее мышления.

«Это правда. Некоторые вкусы нужны, даже если ты их не улавливаешь» согласился Шусей.

«И это то, что вы называете, э-э… Это скрыто… вкус, который вы не можете определить…» Рими запнулась.

«Ты имеешь в виду секретный ингредиент?» предположил Шусей.

«Да, его. Тонкий аромат делает еду вкусной. Тот факт, что вы не можете четко различить вкус, придает еде большую глубину», — объяснила Рими.

«Но проблема в том, как доказать, что этот тонкий аромат действительно хорош на вкус», — возразил Шусей.

«Обычно, чтобы сделать вкус более заметным, вы должны сделать его как можно более чистым, верно?»

«Этот метод сработал на мне. Однако это была не более чем вода для языка Его Величества».

«Но если вы хотите, чтобы кто-то наслаждался вкусом, вы должны сделать его заметным… еще чище… более очевидным…»

Глубоко задумавшись, Рими сделала еще один глоток умифу и кэнгёкена из маленькой тарелки. «Они действительно были вкусными», — подумала она, не отрывая взгляда от тарелки в руке. Ей вспомнилось, как ее сестра Сайгу в прошлом тоже поднимала шум из-за ее бульона. Она отличалась поразительной беззаботностью, когда жаловалась. Когда Рими вспомнила, тихий смешок сорвался с ее губ.

"Что такое?"

"Ой, простите. Я только что вспомнила кое-что смешное».

Почувствовав легкую усталость, Рими присела на маленький стул рядом. Она неоднократно пыталась придумать, как заставить кого-нибудь из Конкоку ощутить вкус вакокуанского бульона, но ей так и не удалось найти решение. Ход ее мыслей зашел в разочаровывающий тупик, который она не могла преодолеть. Движение взад и вперед в ее голове утомляло ее.

Она подумала о своей дорогой сестре Сайгу, чтобы очистить голову, глядя вдаль.

«Моя госпожа Сайгу всегда очень внимательно относилась к своему инвентарю. Когда я была молода, она заваливала меня жалобами. Она говорила, что у меня «поразительно плохой вкус» или что еда была «потрясающе грубой» и так далее. У нее вспыльчивый характер, видите ли, у леди Сайгу».

«Я поражен, что ты можешь так улыбаться. Должно быть, было тяжело обслуживать такого вспыльчивого человека» сказал Шусей с изумленным выражением лица, направляясь к полкам, где хранилась чайная утварь.

«Нет, совсем нет. Хотя все остальные всегда говорили, какая я несчастная».

«Да, очевидно».

«Это было совершенно не очевидно. Хотя все думали, что это очевидно, на самом деле это было не так очевидно, как казалось. Все бы подумали, что мне не повезло из-за того, что я Умаси-но-Мия. Они говорили, что принцессе не повезло служить поваром темпераментной госпожи Сайгу. Но мне совсем не не повезло. То, что я Умаси-но-Мия, дало мне место в мире».

Ее сестра-Сайгу всегда закатывала истерику и кричала, когда озвучивала свои жалобы. Но всякий раз, когда Рими готовила что-то действительно великолепное на вкус, ее сестра одаривала ее поистине божественной, доброй улыбкой, подобавшей посланнице бога, поскольку она выглядела довольной от всего сердца. Эта любящая улыбка не была фальшивой.

И даже когда она закатывала истерики и жаловалась, госпожа Сайгу никогда бы не обидела бы Рими несправедливо. Она всегда обращалась к ней по титулу «Умаси-но-Мия», что доказывало, что она так или иначе ее уважала.

«У госпожи Сайгу был вспыльчивый характер, но она дорожила мной, и я любила ее в ответ. Так что явно несчастливая судьба Умаси-но-Мия вовсе не была очевидной.

«Вот как?» Сказал Шусей, умело наливая чай в чашку и осторожно ставя ее перед Рими, чьи глаза расширились от удивления.

«Почему вы подаете чай, мастер Шусей?»

«Ты казалась немного уставшей, поэтому я подумал, что тебе не помешает немного».

« А мужчина, подающий чай?»

«Это так странно? Здесь, в Конкоку, это очевидный обычай. С древних времен заваривание чая было мужским занятием. Только в последние несколько десятилетий женщины начали принимать участие. В Вакоку по-другому?»

«В Вакоку женщины подают чай, а мужчины его только пьют».

Когда Рими немного расслабилась, маленькая тарелка, которую она держала, случайно выпала из ее руки. Она издала быстрое «Ах!» когда она упала к ее ногам на каменный пол и раскололась надвое. Пронзительный звук разбитой тарелки эхом разнесся по кухне, и когда Рими почувствовала, как звук пронзает ее ноги и поднимается к голове, она внезапно осознала.

Очевидно же...! Ее реализация приняла форму одного слова.

То, что она попробовала на тарелке, было вакокуанской кухней. Она потратила все свое время на размышления о том, как сделать этот вкус достаточно заметным, чтобы жители Конкоку могли его распознать. Чтобы сделать вкус заметным, вы, очевидно, должны были выделить его. И поэтому она стремилась потреблять запасы в чистом виде. Однако это не сработало с Шохи, который завел ее в тупик.

Но о чем только что говорила Рими? Она сказала, что явно несчастная Умаси-но-Мия вовсе не была несчастна. В Конкоку было очевидно, что мужчина подает чай, но не в Вакоку.

«О, это...?»

То, что вы считали очевидным, на самом деле вовсе не было очевидным.

«Что случилось, Римми?» спросил Шусей, но Рими просто встала, ошарашенная, неспособная подобрать слова.

Когда она наконец начала говорить, ее голос слегка дрожал. «Мастер Шусей, я... я думала, что, чтобы заставить кого-то ценить конкретное вкус, он должен быть как можно более чистым, отчетливым».

«Действительно, это очевидно».

Но Рими покачала головой.

«Нет, это не очевидно. Я просто обманывала себя, думая так, и не могла смотреть на это по-другому, с противоположной стороны. Но чтобы кто-то оценил определенный вкус, он не обязательно должен быть чистым».

Безмолвное пламя вспыхнуло в глазах Рими, когда Шусей в изумлении уставился на нее. Затем Рими вспомнила Хакурея и Шохи. Они были одинаковыми. Она подумала о тонкой нити между ними, которую ощутила, обдумывая их действия. Это была нить, которую нельзя было увидеть, если не отбросить то, что казалось очевидным.

Ничего не очевидно. Она была убеждена.

Шусей смотрел на Рими так, словно был ошеломлен ею.

«Мастер Шусей, у меня просьба. У нас есть еще пять дней до истечения срока, который дал нам Его Величество, верно? Возможно ли, чтобы Его Величество вернулся сюда, во Дворец Духа Воды, в тот последний день? Я хочу доказать ему прямо здесь, что дань из Вакоку вкусна. У меня есть план».

Услышав план Рими, Шусей вскочил и воскликнул: «Какая нелепая идея!»

Но Рими настаивала на том, что это необходимо.

«То, что кажется очевидным, на самом деле вовсе не очевидно», — убедила она упрямого Шусея. Наконец, она убедила Шусея написать два письма в адрес императорского дворца. Оба они были приглашениями прийти во Дворец Духа Воды через пять дней. Одно было адресовано императору Конкоку Рю Шохи.

Другое…

Шусей был против, да и сама Рими не могла быть уверена, что все пойдет по плану. Она знала, что это рискованная ставка. Однако без этого Шохи, скорее всего, никогда не был бы доволен едой. Рими почувствовала тонкую нить, тянущуюся из ужасного прошлого в тени трона. Она сделала эту нить своим спасательным кругом, и теперь у нее не было другого выбора, кроме как столкнуться с ней лицом к лицу.

Одно слово. Это было все, что ей было нужно. Если бы она могла услышать это слово, оно не только спасло бы ей жизнь, но и дало бы ей место, которому она принадлежала в этой чужой стране.

http://tl.rulate.ru/book/76189/2337304